



ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Павел Крылов

**Институты христианской
церкви и начало
модернизации
в Западной Европе
эпохи Средневековья**

Препринт М-94/22

**Центр исследований
модернизации**



Санкт-Петербург
2022

УДК 930.85
ББК 63.3(4)4
К85

К85 **Крылов П. В.**

Институты христианской церкви и начало модернизации в Западной Европе эпохи Средневековья / Павел Крылов : Препринт М-94/22. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. — 24 с. — (Серия препринтов; М-94/22; Центр исследований модернизации).

В препринте рассматривается вклад церковных институтов эпохи Средневековья в создание условий для процесса модернизации западноевропейского общества. Особое внимание уделено общественному значению церковного судопроизводства, влиянию так называемых «движений Божьего мира» на деятельность политических структур и роли монастырского правила в формировании производственных отношений.

Информация об авторе: Крылов Павел Валентинович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Несмотря на яркие исключения в лице Ларса Сидентопа и Джорджо Агамбена, в среде современных ученых-гуманитариев распространено убеждение в том, что между Церковью (в широком смысле) и модернизацией нет и не может быть ничего общего. Церковные институты имеют репутацию одного из последних бастионов традиционного общества и фактически служат синонимом социальной косности и идеологического мракобесия. В значительной степени причины такого взгляда покоятся на фундаменте исторической памяти о противостоянии католического духовенства и самостоятельных ученых сообществ — академий во Франции эпохи Просвещения, а также о знаменитых «обезьяньих процессах» в США, устраиваемых верующими родителями с целью не допустить распространения в средней школе эволюционной теории Чарльза Дарвина. Привычный набор доказательств злобнейшей общественной роли священников и монахов содержит множество пунктов. Он включает упоминание «Молота ведьм», преследований иудеев и еретиков церковной инквизицией, гонений на ученых-вольномыслителей — начиная с великих умов Роджера Бэкона, Мишеля Сервета, Джордано Бруно, Томмазо Кампанеллы и заканчивая десятками других, оставшихся в неизвестности. Далее в черном списке констатация фактов поддержки, оказываемой структурами самых разных Церквей наиболее реакционным политическим движениям Нового и новейшего времени — от французских шуанов, антидрейфусаров Мориса Барреса и легионеров Филиппа Петена до русских черносотенцев и от испанских карлистов с франкистами и мексиканских кристерос до фанатичной паствы ультраконсервативных проповедников из Висконсина или Юты.

Подавляющее большинство приводимых фактов не может быть опровергнуто, так что, например, создатели ревизионистской концепции деятельности инквизиционного трибунала не имеют шанса организовать пересмотр устоявшегося образа церковного суда по делам веры. Институт Церкви, который воспринимается в качестве ударного сердечника идеологии и практики антимодернизма, может выступать агентом модернизации лишь против своей воли. Процесс борьбы за истинную веру,

сопровождавшийся религиозными войнами эпохи Реформации, привел к уменьшению общественного престижа церковных институтов и роли церковных церемоний в качестве средств урегулирования социальных проблем. Время торжественных процессий, в обилии упомянутых в «Дневнике парижского горожанина» первой половины XV в., проводившихся ради избавления города от вполне земных проблем типа бунтов или набегов вражеских отрядов, безвозвратно уходит в прошлое. Саморазрушение общеевропейского магического мировоззрения, запущенное фанатично настроенными верующими, привело к тому самому духовному вакууму, который был заполнен философией социального преобразования, основанной на человеческом *ratio*. Именно так видел деятельность конфессий в Европе раннего Нового времени Толкотт Парсонс, по словам которого раскол латинской Церкви на Западе привел народы Европы в новую ситуацию — отсутствия религиозной легитимации высшей власти, которую они были вынуждены заменить легитимностью, основанной на универсальном законодательстве¹.

Впрочем, невольное содействие Церкви процессу модернизации может иметь еще один аспект и еще один путь. Он не выглядит для нее столь саморазрушительным, поскольку стал результатом сознательного действия церковных институтов, следовавших некоему продуманному плану ради достижения вполне ожидаемых результатов, но наряду с которыми произведших на свет и нечто неожиданное. Подобным образом умение читать и писать насаждалось в Пруссии в XVIII в. школой Фридриха Великого для нужд армии. Однако заодно со способным читать приказы солдатом она сформировала массового читателя печатной прессы, художественной литературы и даже философских трактатов, что со временем не могло не иметь политических последствий для всей Германии. Риторическое удивление Дж. Агамбена тем фактом, «что из монашеского идеала, возникшего как индивидуальное и одинокое бегство из мира, могла родиться модель всеохватной коммунитарной жизни»², относится именно к подобному несоответствию изначальной цели и полученных результатов, наложивших неизгладимый отпечаток на судопроизводство, политику и хозяйственную жизнь.

¹ Травин Д. Я. Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. С. 68.

² Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. С. 23.

Инквизиция по делам веры и модернизация судопроизводства

Опираясь на Священное Писание, христиане с первых лет существования их общины претендовали на создание новой этики, которая заменила бы собой громоздкое римское право и имперское судопроизводство, имевшее репутацию коррумпированного и несправедливого. «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7: 1), — предостерегал своих учеников Христос от участия в судебном процессе. Идеалом преображенного верой общества стали любовь и странноприимство. «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга; как Я возлюбил вас, и вы да любите друг друга. По этому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13: 34–35). Однако новозаветный же вопрос «Откуда у вас вражды и распри?» (Иак. 4: 1) показывает невозможность его воплощения в реальной жизни уже в первые десятилетия христианской истории. Более того, в Первом послании к Коринфянам констатируется еще более тяжелая ситуация: «Итак, если вы судитесь по делам житейским, то непризнаваемых церковью — вот кого вы сидите судьями. К стыду вашему говорю. Значит, нет среди вас ни одного мудрого, который мог бы рассудить между братьями своими. Но брат с братом судится, и притом у неверных. Во всяком случае, уже то — поражение для вас, что вы имеете судебные дела между собою. Почему не предпочитаете вы терпеть обиду? Почему не предпочитаете вы, чтобы вас обирали? Но вы обижаете и обираете, и притом братьев» (1 Кор. 6: 4–8).

Казалось, решение проблемы вражды и распри лежало в том, чтобы договориться между собой в духе взаимной любви и сотрудничества, в духе евангельского учения: «Если же согрешит брат твой, иди, обличи его с глазу на глаз. Если он тебя послушает, приобрел ты брата твоего. Если же не послушает, возьми с собой еще одного или двух, чтобы устами двух свидетелей или трех подтвердилось каждое слово. Если же их не послушается, скажи церкви: а если не послушается и церкви, да будет тебе он, как язычник и мытарь» (Мф. 18: 15–17). Практическая реализация принципа «послушания церкви» обличаемого лица и, в случае отказа, его отлучения предполагала коллективное принятие решений, чем поощрялся созыв церковных форумов — от Вселенских соборов на самом верху до собраний клириков на низшем уровне благочиния или пробства. Соборная форма обсуждения и решения вопросов церковной жизни была заимствована неортодоксальными движениями. Получили известность конвенты катаров и вальденсов в Южной Франции

XII–XIII вв., синоды гуситских проповедников в Чехии XV в., пасторские съезды и конференции эпохи Реформации, получившие официальный статус в результате ее победы в целом ряде стран. Решения церковных форумов становились нормами канонического права, что приводило к пониманию важности ведения протокола и фиксации одобренных участниками постановлений посредством их кодификации. Гарантией незыблемости принятых общих решений становилась возможность их перечитать в виде записанного текста, что в сегодняшней бюрократической культуре кажется чем-то обязательным и существующим вечно.

Готовность совместно перечитывать вслух один и тот же текст, Символ Веры, могла производить впечатление духовного единства и отсутствия религиозных распрей, что было весьма соблазнительно для королевской власти, заинтересованной в спокойствии среди подданных. Когда она пыталась воплотить в жизнь евангельские слова «да будут все едины» (Ин. 17: 21), опираясь на свои средства принуждения, появлялись на свет репрессивные законы. Примером может послужить «Вестготская правда» середины VII в., где можно найти следующие строки: «Подобает пребывающим в свете веры защититься от мрака ложных учений соответствующим эдиктом, а тем, у кого, возможно, в душе поднимется грех, — отразить его законными действиями»³. Проявлениями ереси законы вестготов признавали устройство «вредоносных споров о вере», «покушение на апостольские установления», сомнения в «современных положениях, согласных с верой». Наконец читаем в титуле 2 книги 12: «...никто не смеет открывать сердце для мыслей, противных всем святым таинствам, или открывать уши для таких слов». Виновных в ереси клириков предлагалось «осуждать на вечное порицание» с лишением сана, должности и имущества. Если же еретик происходит из мирян, «то будет лишен должностей и места, будет лишен права владения своим состоянием, и кроме того, каждый преступивший этот запрет или будет осужден на вечное изгнание, или по Божественному милосердию раскается в грехе и будет прощен»⁴. Законодательство вестготской Испании окажется своеобразной моделью для правовых документов более поздних времен, которые не добавили к его положениям ничего принципиально нового.

³ Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 772.

⁴ Там же. С. 773.

Впрочем, как понять, что некие мысли, речи или тексты являются еретическими и подлежат осуждению? Тем более если сами споры о вере поставлены под запрет, а еретики следуют лжеучениям тайком.

Не меньшую сложность представляет и общественный запрос на преследование колдовства. Нетерпимость к ереси и ворожбе не следует из одних только опасений высших кругов церковной иерархии перед конкуренцией за кошельки потребителей магических услуг со стороны потенциальных раскольников или обладателей чудодейственных способностей. Борьба с инаковерующими и колдунами встречала горячую поддержку в массе церковного народа. Считавший себя не замеченным ни в чем предосудительном обыватель опасался соседства и с неправильно верующими во Христа, и с практикующими чародейство. Добрый христианский народ искренне боялся, что будет подвергнут Божьей каре заодно с недостойными земляками. Он хотел бы избавиться от ведьм и еретиков раньше, чем Господь Бог возьмется за карающий бич и ненароком заденет невинных и непричастных к их мерзостям. Следует помнить, что силы, относящиеся в современном мире к разряду потусторонних, воспринимались средневековым сознанием не только как часть окружающей человека реальности, но и как ее очень значимая часть. Их участие в делах человеческих, в том числе в делах правления, не было ни для кого чем-то удивительным и невероятным. Узурпация Генрихом Болингброком английского престола в 1399 г. обосновывалась, наряду с прочими доводами, Божьей волей⁵, а воины, сражавшиеся под знаменами его сыновей Генриха V и Джона Бедфорда на полях Франции, были вполне уверены в божественном предопределении их побед⁶. Не случайно Генри Бьюфорт, дядя короля Генриха V и кардинал, назвал триумф своего племянника в сражении при Азенкуре свидетельством того, что Господь поддерживает его права во Франции. В той же проповеди, произнесенной 4 ноября 1415 г., он сравнил короля с Иудой Маккавеем,

⁵ См., например: *Минеева Т. Г.* Палата общин и король в Англии XV в.: историографический аспект // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. В. Кузнецов. Арзамас: АГПИ, 2001. С. 186.

⁶ *Калмыкова Е. В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. См. раздел «Представления английских хронистов о роли Божественного провидения в войне» (с. 107–146). См. также: *Taylor C.* Henry V, flower of Chivalry // *Henry V. New interpretations* / ed. by G. Dodd. York: York medieval press, 2013. P. 227.

библейским сокрушителем нечестия⁷. И если военные успехи могли считаться свидетельством поддержки Бога, то неудачи, по той же логике, свидетельствовали о происках дьявола.

Возможность контакта человека с неким иным добрым или злым миром посредством видений и голосов принималась всерьез. Пророческие, приключенческие, нравоучительные видения во множестве встречались в литературе не только религиозной, но и вполне светской: от «Видения о Петре Пахаре» Уильяма Ленгланда до «Сна старого паломника» Филиппа де Мезьера и «Романа о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мёна, представлявшего собой одно масштабное видение длительностью в 21 677 строк поэтического текста. И такие богословы и церковные деятели, как Дионисий Каргузианец, Яков Ворагинский и Цезарий Гейстербахский, опирались на пересказы видений в своих трудах⁸. «Многочисленные видения, в которых я фигурировал наряду с другими людьми, — вспоминал о своей матери Гвиберт Ножанский, — позволяли ей за долгое время предвидеть то, что должно было произойти; если некоторые из этих событий уже произошли или происходят сейчас у меня на глазах, то я полагаю, что и остальные не замедлят также случиться, и я, по зрелом размышлении, считаю необходимым воздержаться здесь от того, чтобы о них говорить»⁹. В посвященном бургундскому герцогу Иоанну Бесстрашному аллегорическом романе «Пасторалет» решение убить герцога Людовика Орлеанского, выведенного под именем Тристифер, внушается бургундцу во время вещего сна самим Господом, «который сотворил в его сердце храм, найдя его чистым и убеленным»¹⁰. Сомневающегося герцога (в романе он носит имя Леонет) поддерживает оракул в храме Марса: «Узнай же, что твои видения правдивы, без всякой кривды», завершая свою речь призывом: «Прими совет в этом деле, иди и выполняй то, что тебе было сказано»¹¹.

Еще в так называемой «Вестготской правде» занятия ворожкой карались поркой и высылкой «в отдаленное место», дабы осужденные «не

⁷ Taylor C. Henry V, flower of Chivalry. P. 228.

⁸ Динцельбахер П. Суд индивидуальный и суд всемирный // Одиссей. Человек в истории. 2010–2011. М.: Наука, 2012. С. 324, 330.

⁹ Шмунт Ж.-К. Сны Гвиберта Ножанского // Одиссей. Человек в истории. 2010–2011. М.: Наука, 2012. С. 367.

¹⁰ Le pastoralet // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne. T. 2 / ed. par Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1873. P. 648. V. 2440–2478.

¹¹ Ibid. P. 650. V. 2503–2504; 2521–2522.

имели возможности приносить вред жителям»¹². Однако и здесь, как в случае с ересью, неясно, как определиться с виновностью или невиновностью? Как отличить чудо Божие, дарованное святому по его молитве, от наваждения дьявольского, произведенного колдовством?

Логика подсказывает, что невозможно обойтись без расследования, по-латыни *inquisitio*, в ходе которого должна была выявиться виновность или невиновность подозреваемых. «Ни для кого недостаточно просто и открыто утверждать, что он ниспослан Богом, ибо и еретики говорят подобное, но необходимо доказать невидимый источник своей миссии чудесным действием или свидетельством Священного Писания»¹³. Эту прописную истину адресовал неизвестный парижский клирик Жану Жерсону, известному богослову, выступившему в поддержку Жанны д'Арк летом 1429 г., чтобы выразить свое несогласие. Прописная истина, впрочем, обоюдоостра. Приверженность ереси тоже надо доказать, основываясь на свидетельстве Священного Писания. Именно этого требовал Ян Гус в ходе Констанцкого собора 1415 г., когда его участники настаивали на безусловном отречении пражского магистра, ссылаясь на церковную дисциплину и не желая вступать с ним в богословскую полемику.

Масштаб проблемы того, как отличить агнцев паствы Христовой от еретических козлиц, был резко увеличен успехами катаров и вальденсов в Южной Франции во второй половине XII — начале XIII в. Военное поражение, нанесенное крестоносцами Симона де Монфора знатным покровителям еретиков в ходе Альбигойских походов, благословленных папой Иннокентием III, не могло привести к искоренению неправильной веры в умах людей, ушедших в глубокое подполье и выдававших себя за добрых католиков. Правило «Убивайте всех, Господь на небесах узнает своих», действовавшее в ходе штурма занятых еретиками городов, становилось неактуальным в условиях насильственного замирения Лангедака. Оно было чревато многочисленными эксцессами и могло вызвать возмущение несправедливо обиженных прихожан, пострадавших безвинно. Необходимо было создать процедуру, которая позволила бы

¹² Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследовании. С. 652.

¹³ *Valois N.* Un nouveau témoignage sur Jeanne d'Arc, texte de la réponse d'un clerc parisien à l'Apologie de Jeanne d'Arc par Gerson. Nogent-le-Rotrou: Impr. de Daupley-Gouverneur, 1907. "Non sufficit cuidam nude tantum asserere quod ipse sit missus a Deo, cum hoc quilibet heretici asseverent, sed oportet quod astruat illam invisibilem missionem per operationem miraculi vel Scripture testimonium speciale" (p. 15).

обеспечить хотя бы формальные рамки разбирательства, выглядеть хотя бы внешне *sine ira et studio* и несколько умерить пыл крестоносного воинства, готового продолжать массовые расправы. Сложность задачи была вполне осознана участниками IV Латеранского собора Западной Церкви, созванного в Риме в ноябре 1215 г.

Оглашенные на нем каноны откликаются на поставленную жизнью проблему так: «Чтобы обвинения... не воспринимались безответственно, дабы при раскачивании опор не рухнуло бы само здание, ведь если осторожность не будет достойным образом осуществляться, то из-за этого дверь приоткроется не только для ложных, но и для злонамеренных обвинений»¹⁴. Фактически речь шла о необходимости проведения специализированной богословской экспертизы, которая использовала бы такую систему аргументации, что, отсылая к неким единым критериям — к эталону истинной веры, могла бы придать принимаемому решению черты беспристрастности и объективности, обеспеченных коллективным принятием судебного решения, исключавшим частный произвол.

Основным критерием была признана репутация действующего лица, пользующегося добрым именем или дурной славой, ибо «святость должна производить осязаемые доказательства, так нисходящая свыше энергия проявляется в непорочном теле, источающем священнодейственный запах благодати»¹⁵, между тем как грех действовал прямо противоположным образом. Особое внимание к репутации прописывалось в соборном каноне 52: «О необходимости проверять свидетельства по делу о тайном браке, полученные в устной форме через слухи»: «Мы принимаем постановление, чтобы в будущем в этом деле свидетельств, полученных посредством слухов, не принимали во внимание... кроме тех случаев, когда речь идет о знатных людях, доверие к которым следует оказывать соразмерно заслугам; перед началом судебного процесса пусть они изучат свидетельские показания от их старших родичей, и не от одного, поскольку, если он (ныне) жив, этого недостаточно, но, как минимум, двух; и не тех, кто пользуется дурной репутацией и находится на подозрении, но достойных доверия, которые выше любого сомнения; поскольку может показаться весьма абсурдным обращение к тем, чьи деяния будут вызывать отвращение. Если же настораживающие сведения были получены от од-

¹⁴ Бессуднова М. Б., Устинова А. А. Постановления IV Латеранского собора 1215 года. Липецк: ЛГПУ, 2012. С. 30 (Канон 8).

¹⁵ Martin H. Le christianisme au quotidien (vers 1330 — vers 1500) // XIVE et XVe siècles: crises et genèses. Paris: Presses Universitaires de France, 1996. P. 418.

ного, пользующегося доброй славой человека, чтобы их засвидетельствовать, пусть будут приглашены еще несколько достойных доверия свидетелей, ведь даже в обычном судебном процессе недостаточно заявления одного свидетеля, даже если он предстает во всем блеске судейской должности, а для не порядочных людей подобные законные действия пусть будут запрещены...»¹⁶ Таких же инструкций надлежало придерживаться и в остальных делах, подведомственных церковному суду.

Описывая первое рассмотрение откровений Жанны д'Арк комиссией, составленной в Пуатье из сторонников Карла Валуа весной 1429 г., Эберхард Виндеке приводит в своей хронике фрагмент ее постановления: «Таким образом, он (дофин. — П. К.) не должен был столь скоро и столь легко поверить в нее; однако, следуя Священному Писанию, как говорит святой апостол Павел: “Испытывайте духов, от Бога ли они”¹⁷, он должен был провести расследование ее нравов и поступков, а также по благочестивой молитве испросить знамений и деяний Божиих, ибо так повелел Господь царю Ахаву, испросившему у него знамение о том, когда ему будет дарована победа, как было написано: “Вот тебе знамение Бога твоего”, и даровал ему тогда знамение, как и многим другим»¹⁸.

Другой гарантией должно было стать строгое следование процедуре, которая включала констатацию необходимости начать расследование в отсутствие обвинителя. Основанием могла стать интенсивная молва о распространении ересей или магических практик — *diffamatio*. Сегодня это назвали бы общественной значимостью деяния. Репутация же распространителей молвы и ее объектов выступала в качестве критерия достоверности информации. Руководствуясь ею, епископ (или, с момента выделения особого церковного трибунала по вопросам веры, инквизитор) имел возможность, посоветовавшись со своими ассессорами, остепененными богословами и юристами, начать процесс *inquisitio ex officio*. На его первом этапе осуществлялся сбор предварительных сведений о подозреваемых в ереси, затем проводились допросы, на основании которых один из участников процесса формулировал статьи обвинения. Если предметом разбира-

¹⁶ Бессуднова М. Б., Устинова А. А. Постановления IV Латеранского собора 1215 года. С. 54.

¹⁷ Хронист ошибочно сослался на авторитет апостола Павла, поскольку в действительности данная фраза принадлежит Иоанну: 1 Ин. 4: 1.

¹⁸ Эберхард Виндеке ссылается на Книгу Судей, главу 6, в которой, впрочем, знамение было ниспослано не Ахаву, а Гедеону. См.: *Lefèvre-Pontalis G. Les sources allemandes de l'histoire de Jeanne d'Arc. Paris: A. Picard et fils, 1903. P. 37–41.*

тельства было сочинение, например, «Зерцало душ бедных и ничтожных» Маргариты Поретанской, ученой бегинки из Валансьена в 1310 г., то статьи извлекались из текста подозреваемой в ереси книги. На втором — *inquisitio cum promovens* — статьи предъявлялись обвиняемым для объяснений. На третьем этапе на основании статей и полученных обвинений формулировались новые статьи и передавались коллегии экспертов, не принимавших участия в процессе, для обсуждения — *deliberatio*. С учетом их мнения судья готовил приговор — *instrumentum sententiae*, содержащий запись — *conscriptio*, предназначенную для сохранения решения суда в памяти потомков — *memoria*. Роль клириков в подобных процессах выглядит совершенно естественной, поскольку именно эта среда имела большой опыт коллективного рассмотрения сложных вопросов, теологические знания, позволявшие квалифицированно сличить информацию о высказываниях обвиняемых в ереси с эталоном истинной веры, а также репутацией людей добропорядочных и богобоязненных, которая требовалась от судей.

Пренебречь процедурными нормами означало совершить нарушение, которое ставило под сомнение справедливость приговора. Посмертное снятие обвинений с Жанны д'Арк в 1456 г. было обосновано в том числе тем, что, по мнению великого инквизитора Франции Жана Бреалья, участники суда в Руане с большой небрежностью подошли в 1431 г. к своим обязанностям.

Несмотря на все сопровождающие инквизицию сознательные преступления и невольные эксцессы, несмотря на то что отнесение ереси и колдовства к разряду преступлений выглядит само по себе абсурдом, уменьшение репрессивного произвола было явным, в том числе из-за рационализации судопроизводства, коллегиального принципа принятия решений и роста значения личной репутации не только обвиняемых, но и самих судей, от которых требовались не только знания, но и следование строгим правилам в повседневной жизни. Клирики и представители нищенствующего братства проповедников Святого Доминика, с точки зрения средневекового общества, лучше всех прочих подходили для роли судей, сочетая богословскую ученость и облик богобоязненности. Рациональность, следование процедуре, коллегиальность и соответствие корпоративной этике стали проникать и в светское судопроизводство, приобретающее к Новому времени все более упорядоченный характер.

Не следует пропустить еще одно последствие развития церковного судопроизводства. Внимание к репутации сильно повлияло на идеал христианского воспитания, в котором находили отражение личностные характеристики, ожидавшиеся старшими поколениями от младших. Несмотря

на то что богословский трактат Робера Собуля, канцлера Парижского университета, концентрировал внимание на том, какими достоинствами, чтобы вызывать доверие в обществе, должен быть наделен человек, пророчествующий от имени Божьего, созданный им образец носит универсальный характер. Именно такими должны быть все подлинны христиане:

1. Прежде всего, это должна быть «персона скромная и простая» (*persona humilis et simplex*). Здесь богослов не отказывает себе в использовании цитат из Писания: «...славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11: 25). Евангелие он дополнил отсылкой к апостолу Павлу: «...не много из вас мудрых по плоти, не много сильных... но... немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1 Кор. 1: 26–27).

2. Вторым признаком является правильная реакция верующего на столкновение с небесными силами. Он чувствует утешение, наполняясь небесным светом и всевозможными добрыми чувствами, приобретая способность отличать божественное видение от наваждения дьявольского.

3. Наконец, ведомый Богом человек поступает «к собственной пользе, славе Господней и утешению ближнего» (*utilitas in ipse ad honorem Dei et consolatorium proximo...*)¹⁹.

Дополняя коллегу, турецкий кардинал-епископ Гийом Буйе сослался на авторитет знаменитого богослова XII в. Гуго Сен-Викторского и назвал высшей целью христианского воспитания достижение *vita sancta*, проявлением которой были:

1. *Humilitas* (Смирение).
2. *Discretio* (Скромность).
3. *Patientia* (Терпение).
4. *Veritas* (Истина).
5. *Caritas* (Милосердие)²⁰.

В самом сложном положении оказывались те миряне, кто занимал своего рода «межеумочное» положение между клиром, доступ в ряды которого для таких людей был закрыт, и большинством церковного народа, отношения с которым у них совсем не были разорваны. Как выражался Л. П. Карсавин, их «общий религиозный фонд»²¹ активно формировался

¹⁹ Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / ed. par P. Duparc. Т. II. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1979. P. 367–368.

²⁰ Ibid. 321.

²¹ Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. СПб.: Алетейя, 1997. С. 29.

под перекрестным влиянием и образованного клира, и «безмолвствующего большинства» простецов. И именно они сталкивались с наибольшей подозрительностью университетской и церковной элиты Средних веков, ждавшей от верующих не столько сознательного исповедания веры, сколько внешнего благочестия²². Показательно, что один из ведущих гуситских богословов магистр Якоубек из Стржибра в этом пункте сходилась со своим заклятым противником Жаном Жерсоном²³: «Простой народ не способен в полной мере осознать божественное откровение», и по этой причине «он не нуждается получать всякую правду во всякое время». Чистая правда может быть доступна только «более понятливым и высшим, народу же — только молоко»²⁴. Соответственно, отклонения от одобряемой высшими иерархами и учеными-теологами нормы в области вероучения и культовой практики продолжали фиксироваться. И это значило, что у церковного суда оставалось широкое поле деятельности, неотъемлемой частью которой продолжала быть теологическая экспертиза. К эпохе Просвещения круг образованных мирян, высказывавшихся на богословские темы, рос и расширялся, а деятельность инквизиционных трибуналов все более воспринималась как раздражающий анахронизм, стоящий на пути знания, прогресса и человечности. Открытый конфликт конца XVIII в., закончившийся победой светских интеллектуалов, уничтожил репутацию церковных судов по делам веры, обрекая на забвение все то, что они сделали для модернизации судопроизводства несколькими столетиями ранее.

От проповеди «Божьего мира» к политической модернизации

«Если же согрешит брат твой, иди, обличи его с глазу на глаз. Если он тебя послушает, приобрел ты брата твоего. Если же не послушает, возьми с собой еще одного или двух, чтобы устами двух свидетелей или

²² *Hasenohr G.* Religious reading amongst the laity in France in the fifteenth century // *Heresy and literacy, 1000–1530* / ed. by P. Biller, A. Hudson. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 217.

²³ *Ibid.* P. 208–209. Жерсон рекомендовал читать литературу назидательного характера, предостерегая «простых необразованных людей и особенно женщин» от чтения мистиков, в том числе Гуго и Ришара из Сен-Виктора, Бернарда Клервоского и Генриха Сузо.

²⁴ *Šmahel F.* Literacy and heresy in Hussite Bohemia // *Heresy and literacy, 1000–1530* / ed. by P. Biller, A. Hudson. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 252.

трех подтвердилось каждое слово. Если же их не послушается, скажи церкви: а если не послушается и церкви, да будет тебе он, как язычник и мытарь» (Мф. 18: 15–17). Роль этого евангельского правила в утверждении традиции коллективного принятия судебных решений является, насколько можно видеть из предыдущего раздела, вполне доказанной. Церковные соборы выполняли функцию высшего суда по делам веры и дисциплины еще в эпоху древней Церкви, и светская власть начала прислушиваться к их решениям уже в IV столетии н. э., как только христианство приобрело официальный статус в распадающейся Римской империи. Одним из самых известных судебных решений из числа принятых на соборе стало отлучение Яна Гуса в Констанце, переданного затем в руки светских властей и сожженного по их приказу 6 июня 1415 г. Менее памятен тот факт, что одновременно с чешским проповедником Констанцкий собор осудил папу Иоанна XXIII, который спас свою жизнь отречением от тиары, чем открыто признал первенство власти собора перед властью римского епископа.

Впрочем, у этого триумфа церковной демократии, недолгого и омраченного казнью реформатора из Праги, была довольно долгая предыстория, коренящаяся в упомянутом выше постулате, призывавшем к общецерковному решению любых проблем. Одной из них было соблюдение монастырских правил, которые постепенно приобретали характер договорных отношений, хотя и были направлены на такое важное для христианина дело, как спасение собственной души. Братия желала видеть в своем аббате блюстителя правил, а в собственной среде — не только единоверцев, но и людей, строго придерживающихся одного и того же образа жизни — *habitus*'а, согласно монастырскому уставу.

Гарантией исполнения этих желаний могла быть только автономия монастыря, которая позволила бы самостоятельно избирать аббата и решать вопрос о приеме новых братьев, поддерживая на должном уровне единомыслие и благочестие. На пути к автономии нередко стояли как духовные власти в лице местного епископа, так и власти мирские, представленные могущественными господами, которых в традиционной историографии принято называть феодалами. Епископам было свойственно желание ставить во главе монастырей своих людей и претендовать на часть доходов из монастырской казны. Светские господа зачастую апеллировали к праву так называемого «патроната» над монастырями, происходящему из того факта, что обитель была, как правило, основана на землях, пожалованных ее основателю кем-то из предков нынешнего правителя, что, по его мнению, позволяло ему вмешиваться в ее дела. Кроме

того, междоусобные войны, регулярно устраиваемые магнатами, приносили монастырскому хозяйству разорения и непредвиденные расходы.

Метод преодоления обоих препятствий открылся братии из обители Клуни в начале X в. Автономия от властей духовных они приобретали, обращаясь за покровительством непосредственно к римскому папе, через голову местного епископа, найдя для нарушения иерархической субординации отличный предлог: епархия, дескать, препятствует соблюдению устава Святого Бенедикта Нурсийского во всей полноте и со всей возможной строгостью. Взамен папской грамоты, фактически дававшей монастырю самоуправление, братия обязывалась последовательно занимать сторону римского первосвященника во всех возможных внутрицерковных конфликтах и дрязгах. В дальнейшем, благодаря папскому соизволению принимать в свой состав целые аббатства, братия которых декларировала желание более последовательно соблюдать устав, нежели это было возможно под началом местного епископа, Клуни обросло целой сетью филиалов и по этой причине иногда ошибочно называется монашеским орденом. Каноническим основанием могло считаться четвертое правило IV Вселенского (Халкидонского) собора 451 г., разрешавшее монаху покинуть монастырь, если настоятель его — еретик. Этим активно пользовалась братия, желавшая освободиться от чрезмерной, как ей казалось, опеки со стороны местных епископов, и переходила под уютное клунийское крыло, не особенно задумываясь о том, как жестки поводы у могущественных аббатов — настоящих абсолютных монархов этой огромной монашеской империи.

Умерить аппетиты мирских господ клунийское движение сумело посредством проповеди «мира Божия» — *Pax Domini*, развернувшейся с особенной силой в конце X в. Эксплуатируя всеобщую усталость от междоусобных войн, Клуни выступило с инициативой заключения взаимных клятв между светскими господами о взаимном отказе применять вооруженное насилие в спорах друг с другом, за исключением судебного поединка. В качестве гаранта исполнения клятвы приглашался самый знатный и могущественный господин в данном крае, который получал право карать нарушителей. В роли свидетелей — все общество, представленное на «Съезде Божьего мира», возглавляемое священниками и епископами, разделявшими взгляды клунийцев. Таковых священников и даже епископов к концу X в. становилось все больше. От проведения съезда Божьего мира выигрывали как будто все. Обыватели получали надежду на прекращение разорительных междоусобиц, а местный магнат обеспечивал себе поддержку обывателей и церковных институтов,

которые отныне санкционировали его первенство над всеми прочими «элементами феодальной вольницы», и превращался в настоящего «стационарного бандита». Служители церкви повышали свой собственный авторитет в глазах обывателей и господ, заодно усиливая свое автономное от мирян положение. Проповедь всеобщего церковного celibата, развернутая все теми же птенцами гнезда Клуни в X–XI вв. и увенчавшаяся триумфальным успехом в латинском христианстве к концу XII в., только подчеркнула выделение клириков в отдельное сословие, отделенное от мира и объединенное изнутри обетом безбрачия, одинаковым и для монашествующих, и для приходского духовенства. Celibat, в свою очередь, привел к тому, что самый естественный способ замещения должностей — по принципу наследования — должен был быть полностью исключен из церковной практики. Бастарды священнослужителей не могли быть допущены на церковные должности из-за ущербной репутации — своей собственной и их отцов, допустивших грех любострастия. Таким образом, именно церковные институты должны были озаботиться проблемой подготовки и подбора кадров на вакантные позиции не только аббата монастыря, но и последнего дьячка в самом дальнем сельском приходе, а также процедурой выдвижения кандидатов и их назначения на должности. Здесь, так же как и в случае принятия прочих решений, неизбежно внедряется принцип коллегиальности. Довольно скоро выясняется, что его применение весьма выгодно папскому престолу, который также добивается автономии от мирских господ, будь то императоры Священной Римской империи или магнаты из римских семей, владеющие родовыми замками в предместьях Вечного города и возглавлявшие многочисленные клиентелы в бедных кварталах единственного мегаполиса средневековой Европы. В 1059 г. Латеранский собор определил, что в выборах римского папы могут участвовать только клирики римских церквей — кардиналы-епископы, кардиналы-пресвитеры и кардиналы-диаконы общим числом 42 человека. Миряне, независимо от положения в обществе, титулов, богатства и связей, к участию не допускались, хотя, разумеется, их влияние на конечный результат продолжало и продолжает осуществляться. Наиболее значительным дополнением в выборы главы Римско-католической церкви стала изоляция кардиналов в помещении для голосования — *cum clave* — конклавом по решению II Лионского собора 1274 г. Таким образом, процедура папского избрания является на сегодняшний день самой древней демократической процедурой, имеющей шансы отметить тысячелетие. Именно она завершила строительство одной из трех стен, защищающих могущество латинской церкви, — стен,

о которых с гневом писал Мартин Лютер в трактате «К христианскому дворянству немецкой нации»: «Во-первых, если им угрожали светской властью, они говорили и утверждали, что светская власть не имеет прав над ними, но, наоборот, духовная власть стоит выше светской. Во-вторых, если хотели карать их на основании Св. Писания, они утверждали, что никому, кроме папы, не подобает толковать Писание. В-третьих, если им угрожали собором, они выдумывали, что никто, кроме папы, не может созвать собора. Таким образом, они тайно похитили у нас три розги, чтобы иметь возможность оставаться безнаказанными, и заключили себя в надежную крепость этих трех стен, чтобы совершать все безобразия и злодейства, которые мы теперь созерцаем»²⁵. Институт коллективного принятия решений обладает колоссальными возможностями для самосохранения в равновесии, владея одновременно средствами для запуска необходимых перемен — церковного собора. Как справедливо заметил князь Салина из романа Томази ди Лампедуза, нужно очень многое поменять, чтобы все осталось по-старому.

С высшей ступени церковной иерархии принцип выборности постепенно спускался вниз, хотя он и не был вполне реализован в РКЦ. Теоретически архиепископов полагалось избирать епископам-выборщикам, которых так и называли «суффраганами», или «голосующими». Епископов должен был избирать соборный капитул, а деканов (благочинных) — настоятели приходов церковного округа. На практике эта схема работала плохо, будучи подвержена давлению как вышестоящих иерархов, так и влиятельных мирян, однако именно она всегда считалась образцом, к которому должно стремиться. С началом Реформации именно она получила распространение во многих протестантских деноминациях, часть которых, особенно в английских колониях на Североамериканском континенте, начала практиковать выборы пресвитеров из числа самих прихожан, выстраивая церковную иерархию в направлении снизу вверх, в отличие от иерархии римско-католического образца. Тем самым церковная демократия получила новое развитие, что не могло не иметь и политических последствий, таких как знаменитый договор отцов-пилигримов на борту «Мэйфлауэр» 11 ноября 1620 г. о будущем правовом статусе поселения, которое они намеревались создать в Новом Свете. Впрочем, задолго до этого, в еще сугубо средневековые времена, автономия церковных институтов стала образцом и для тесно связанных с цер-

²⁵ Мартин Лютер. 95 тезисов / сост., вступ. ст., примеч. и коммент. И. Фокина. СПб.: Роза мира, 2002. С. 19–20.

ковью университетских корпораций, и для ремесленных цехов, и для самоуправляющихся городских коммун, скреплявших свои привилегии особыми хартиями, получаемыми от монархов через голову непосредственных господ. Горожане обходили их тем же способом, как некогда недовольные монахи — своих епископов.

Монастырское правило и модернизация экономики

Модернизация экономики — экономических отношений и производства — кажется последним, что может быть связано с церковными институтами. Разве не говорил Христос своим ученикам в ответ на их вопрос, где им взять пропитание: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (Мф. 6: 26) Спустя полторы тысячи лет церковный реформатор Лютер с гневом обозревателя газеты «Правда» советских времен пишет о махинациях банковских воротил XVI в.: «Здесь следовало бы, по справедливости, наложить на морду узду Фуггерам и другим подобным товариществам. Можно ли считать божеским и справедливым, что один человек нагромоздил у себя столь великие царские богатства! Я не знаю торговых расчетов. Но я не понимаю, как возможно на сто гульденов приобрести в год двадцать или даже гульден на гульден; и это не посредством земли, скота, так как приобретение благ зависит не от человеческой смысленности, а от соизволения Божия»²⁶. Насаждаемые и восточным, и западным христианством эпохи Средневековья мировоззренческие постулаты, казалось, коренным образом противоречили предприимчивости, инициативности, желанию опираться только на собственные силы. С церковных кафедр проповедники поощряли щедрость по отношению к бедным и ограничение собственных потребностей, смирение перед высшими сущностями и молитвенный покой. В итоге, не без участия классиков Просвещения и одного из основоположников современной социологии Макса Вебера, утвердилось мнение, что экономическая модернизация стала результатом «расколдовывания мира», которое, в свою очередь, стало очень отдаленным последствием Реформации, в полной мере явившим себя через 200–300 лет после того, как Лютер прибывал свои знаменитые тезисы к дверям замковой церкви в Виттенберге.

²⁶ Там же. С. 83.

Символом начала процесса рационализации деловой жизни для историков средневекового хозяйства часто выступает появление часов на городской башне. Пока еще с одной только часовой стрелкой, они уже напоминают ремесленникам и купцам о том, что их трудовой день подчиняется отныне логике неумолимого времени, что является их основной ценностью, поскольку приносит им прибыль в товарах и деньгах. Реже вспоминают тот факт, что словом *horologium* — как позднее стали называть механический прибор со стрелкой — прежде обозначали способ вычисления времени начала и окончания молитвы. «Монастырь есть мастерская, где сложены орудия сердца, пребывающие в затворении тела, которыми может совершаться дело божественного искусства»²⁷, — гласят так называемые «Правила учителя». Для монаха время является основной его ценностью намного раньше, чем для ремесленника, ибо обитатель монастыря прекрасно осведомлен, что праздность ведет его к гибели. Достичь спасения он может, только правильно организовав свой день и ночь, чтобы не уподобиться девам неразумным из евангельской притчи, что бесполезно потратили масло в своих светильниках и не попали на брачный пир (Мф. 25: 1–13). Практическая польза от строгого соблюдения регулы состоит в том, что инок заодно сможет сохранить свою репутацию добродетельного христианина. Он соблюдает молитвы, полагающиеся для заутрени, утрени, третьего, шестого и девятого часов, обедни, вечерни и комплекты. Из них состоит его будничная молитвенная жизнь, с перерывами на сон, совместную трапезу и выполнение трудовых обязанностей ради служения ближнему. «Итак, едите ли, пьете ли, или (иное) что делаете, всё делайте в славу Божию» (1 Кор. 10: 31). Достичь этого в одиночку невозможно, только в согласии с остальной братией. Венцом такого организованного монашеского быта была непрерывная литургия главного монастыря Клуни, в котором одни иноки в оговоренный для них момент принимали эстафету от других, переходили к другим занятиям, чтобы в нужное время вернуться к богослужению, и так на протяжении нескольких десятилетий. Механизм человеческого взаимодействия, достойный кадров из «Метрополиса» Фрица Ланга, выстраивался и отлаживался на основании норм, выработанных коллегиально или как минимум квазиколлегиально, подобно тому как положения канонического права принимались и оглашались на церковных соборах. Нормы устава фиксировались в текстовом виде, и каждый принимающий постриг новиций должен был

²⁷ Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. С. 55.

с ними клятвенно согласиться, надевая на себя вместе с монашеским облачением монашеский образ жизни и мыслей — *habitus*. Как во многих современных фирмах, внедряющих в сознание и повседневные практики персонала систему представлений о дресс-коде и корпоративной миссии, послушнику предоставлялся для этого испытательный срок.

Ползучая рационализация монастырского хозяйства была налицо, она подразумевала учет и контроль произведенных продуктов, поступление податей от зависимого населения и пожертвований от паломников, расход дров, свечей, съестных припасов, причастного хлеба и всего остального, чем заведовал брат-келарь и что было перечислено в монастырском картулярии. В сочетании с ритмичной организацией молитвы, отдыха и труда, а также с аскетическим ограничением собственного потребления в духе евангельской бедности, аббатства и приораты накапливали свое богатство, часть которого могли легко употребить для помощи нуждающимся, часть — на подкуп высших церковных иерархов и светских магнатов. Последних братия была готова принять на постой вместе с их дружинами в обмен на покровительство со стороны этих стационарных бандитов в деликатных делах мирского порядка, привязывая к себе не только подачками, но и взаимными клятвами о поддержании Божьего мира. Последнее означало молитвенную поддержку в войнах против их собственных врагов, что в те времена вовсе не воспринималось как нечто совершенно бесполезное. Часть магнатов, способных оценить возможности монастырской модели хозяйствования, перенимали ее для своих собственных поместий, заводили учетные книги и нанимали клириков, составлявших им примитивные «бизнес-планы», позволявшие тем не менее повысить домениальные доходы и умерить затраты. Перековывала она и в ремесленные мастерские, иногда через посредство полумонашеских братств и сестричеств так называемой «общей жизни», состоявших из одиноких мирян и мирянок, нанимавших в складчину дом и живших совместным хозяйством и молитвой под руководством приглашенного ими священника. Такие общины чаще всего встречались в городах Фландрии, где их постояльцы занимались ткацким ремеслом, вышивкой, плетением кружев, а также перепиской и иллюстрированием книг, являя собой прообраз будущей мануфактуры с начатками службы маркетинга, отдела кадров и разделения труда.

Церковь средневековой Европы не стремилась к модернизации, хотя именно в ее лоне в XIV в. появился феномен *devotio moderna* — «современного благочестия», которое не только осознало свой разрыв с благочестием прошлого, но и придало этому разрыву положительный смысл.

Разрыв состоял в выходе монашеского правила за стены монастыря и его массовое распространение среди мирян, желавших жить в подражании Христу — *imitatio Christi*. Преобразование частной жизни стало новым этапом, подводящим европейский мир к порогу Нового времени, когда произойдут серьезные перемены, в том числе в системе судопроизводства, политики и экономики. В целом это более поздняя история, ростки которой взошли в более ранние времена. Разумеется, их можно считать сорняками, не замеченными и не выполотыми нерадивым садовником церковного вертограда. Но, так или иначе, именно он принял участие в подготовке той почвы, на которой они в свое время дали обильный урожай. Его небрежность кажется кому-то непростительной. Но это не дает повода о ней забывать.

Рекомендованная литература

Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020.

Архиепископ Петр (Л'Юилье). Правила первых четырех Вселенских соборов. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2005.

Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991.

Бессуднова М. Б., Устинова А. А. Постановления IV Латеранского собора 1215 года. Липецк: ЛГПУ, 2012.

Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012.

Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005.

Динцельбахер П. Суд индивидуальный и суд всемирный // Одиссей. Человек в истории. 2010–2011. М.: Наука, 2012.

Калмыкова Е. В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010.

Карсавин Л. П. Католичество; Откровения блаженной Анджелы. Томск: Водолей, 1997.

Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. СПб.: Алетейя, 1997.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Западе. М.: Прогресс, 1992.

Малинин Ю. П. Франция в эпоху позднего средневековья: материалы научного наследия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

Мартин Лютер. 95 тезисов / сост., вступ. ст., примеч. и коммент. И. Фокина. СПб.: Роза мира, 2002.

Минеева Т. Г. Палата общин и король в Англии XV в.: историографический аспект // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. В. Кузнецов. Арзамас: АГПИ, 2001.

Монтер У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего и нового времени. М.: Искусство, 2003.

Потехина И. П. Как стать антипапой. Балтазар Косса и его время. СПб.: Наука, 2020.

Тогоева О. И. «Истинная правда»: Языки средневекового правосудия. М.: Наука, 2006.

Травин Д. Я. Историческая социология в «Игре престолов». СПб.: Страта, 2020.

Травин Д. Я. Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.

Шмитт Ж.-К. Сны Гвиберта Ножанского // Одиссей. Человек в истории. 2010–2011. М.: Наука, 2012.

Эккле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Heresy and literacy, 1000–1530 / ed. by P. Biller, A. Hudson. Cambridge: Cambridge University Press, 1996 (Cambridge studies in medieval literature, 23).

Le pastoralet // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne. T. 2 / ed. par Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1873.

Lefèvre-Pontalis G. Les sources allemandes de l'histoire de Jeanne d'Arc. Paris: A. Picard et fils, 1903.

Martin H. Le christianisme au quotidien (vers 1330 — vers 1500) // XIVe et XVe siècles: crises et genèses. Paris: Presses Universitaires de France, 1996.

Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / ed. par P. Duparc. T. II. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1979.

Siedentop L. Inventing the individual: the origins of western liberalism. London: Penguin books, 2015.

Taylor C. Henry V, flower of Chivalry // Henry V. New interpretations / ed. by G. Dodd. York: York medieval press, 2013.

Valois N. Un nouveau témoignage sur Jeanne d'Arc, texte de la réponse d'un clerc parisien à l'Apologie de Jeanne d'Arc par Gerson. Nogent-le-Rotrou: Impr. de Daupeley-Gouverneur, 1907.

Verdon J. Être chrétien au Moyen Âge. Paris: Perrin, 2018.

Павел Валентинович Крылов

**Институты христианской церкви и начало модернизации
в Западной Европе эпохи Средневековья**

Препринт М-94/22

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 21.11.2022.

Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.